

Dello stesso autore in BUR

La donna di picche
La figlia del capitano
Piccole tragedie
Poesie
I racconti di Belkin

Aleksandr Puškin

EUGENIO ONEGIN

A cura di Eridano Bazzarelli

Testo russo a fronte

BUR grandi classici bur

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О рус!...
Нор.
О Русь!

I

Деревня, где скучал Евгений,
Была прелестный уголок;
Там друг невинных наслаждений
Благословить бы небо мог.
Господский дом уединенный,
Горой от ветров огражденный,
Стоял над речкою. Вдали
Пред ним пестрели и цвели
Луга и нивы золотые,
Мелькали сёлы; здесь и там
Стада бродили по лугам,
И сени расширял густые
Огромный, запущенный сад,
Приют задумчивых Дриад.

II

Почтенный замок был построен
Как замки строиться должны:
Отменно прочен и спокоен
Во вкусе умной старины.
Везде высокие покои,
В гостиной штофные обои,
Царей портреты на стенах,
И печи в пестрых изразцах.

CAPITOLO SECONDO

Orus!...
Orazio
O Rus'!

I

Il villaggio dove Eugenio si annoiava era un angolo incantevole²; là un amico di piaceri innocenti avrebbe potuto benedire il cielo. La casa signorile, appartata, che un colle riparava dai venti, era situata presso un fiumicello. Davanti le fiorivano prati variopinti e campi dorati; qua e là apparivano villaggi; qua e là le greggi erravano per i prati; un grande giardino, lasciato in abbandono, rifugio delle Driadi malinconiche, allargava le sue dense ombre.

II

Il rispettabile castello³ era costruito come devono essere costruiti i castelli, solidissimo e tranquillo, secondo il gusto dei saggi, vecchi tempi. Ovunque alte stanze; nel salotto, tappezzerie di stoffa, ritratti di zar appesi alle pareti, e

Всё это ныне обветшало,
Не знаю право почему;
Да впрочем, другу моему
В том нужды было очень мало,
Затем, что он равно зевал
Средь модных и старинных зал.

III

Он в том покое поселился,
Где деревенской старожил
Лет сорок с клюшницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.
Всё было просто: пол дубовый,
Два шкафа, стол, диван пуховый,
Нигде ни пятнышка чернил.
Онегин шкафы отворил:
В одном нашел тетрадь расхода,
В другом наливки целый строй,
Кувшины с яблочной водой,
И календарь осьмого года:
Старик, имея много дел,
В иные книги не глядел.

IV

Один среди своих владений,
Чтоб только время проводить,
Сперва задумал наш Евгений
Порядок новый учредить.
В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.
За то в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,

stufe di maioliche variopinte. Ora, tutto questo, non so per quale motivo, era diventato vetusto; certo, il mio amico non ne aveva molto bisogno, perché, indifferente, sbadigliava fra le sale alla moda e quelle antiche.

III

Si sistemò nella vecchia stanza dove il vecchio campagnolo⁴, per circa quarant'anni, aveva litigato con la governante, guardato alla finestra e schiacciato le mosche. Tutto era semplice: il pavimento di quercia, due armadi, un tavolo, un divano di piume; in nessun posto neppure una macchiolina d'inchostro. Onegin aprì gli armadi: in uno trovò il quaderno delle spese, in un altro un'intera serie di rosoli, brocche con acqua di mele e un calendario del 1808⁵. Il vecchietto, che aveva molto da fare, non aveva mai guardato altri libri.

IV

Solo nei suoi possedimenti, per passare il tempo, dapprima il nostro Eugenio si propose di instaurare un nuovo ordine. Nel suo angolo sperduto, il saggio solitario sostituì i fardelli delle vecchie *corvéés*⁶ con il lieve *obrok*, e il servo della gleba benedisse la sorte. Però un suo vicino economo, ritenendo tutto ciò molto dannoso, si ar-

Его расчетливый сосед;
Другой лукаво улыбнулся
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чудак.

V

Сначала все к нему езжали;
Но так как с заднего крыльца
Обыкновенно подавали
Ему донского жеребца,
Лишь только вдоль большой дороги
Заслышат их домашни дроги: —
Поступком оскорбься таким,
Все дружбу прекратили с ним.
„Сосед наш неуч; сумасбродит;
Он фармазон; он пьет одно
Стаканом красное вино;
Он дамам к ручке не подходит;
Всё да, да нет; не скажет да-с
Иль нет-с“. Таков был общий глас.

VI

В свою деревню в ту же пору
Помещик новый прискакал,
И столь же строгому разбору
В соседстве повод подавал.
По имени Владимир Ленской,
С душою прямо геттингенской,
Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учености плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,

раббìо, dal suo cantuccio; un altro sorrise con malizia; e ad una voce tutti lo giudicarono un pericolosissimo originale.

V

In principio tutti si recavano da lui; ma poiché egli fuggiva dal pianerottolo posteriore su uno stallone del Don, non appena sentiva le loro carrozze private sulla grande strada, tutti si offesero per un tale modo di fare: e ruppero i rapporti di amicizia. «Il nostro vicino è un ignorante, uno stravagante pazzo; è un frammassone⁷; beve soltanto vino rosso nel bicchiere; non bacia la mano delle dame: dice solo: “sì” e “no”, e non: “sissignore”, “nossignore”⁸». Tale era la voce corrente.

VI

In quel tempo, nei suoi possedimenti era giunto un altro nuovo proprietario, che pure aveva dato motivo a severe dicerie al vicinato. Si chiamava Vladimiro Lenskij⁹, aveva l'anima del tutto gottinghiana¹⁰, era bello, nel pieno fiore degli anni, seguace di Kant¹¹ e poeta. Egli dalla nebbiosa Germania¹² aveva recato i frutti dell'istruzione: appassionati sogni di libertà, l'anima impetuosa e abbastan-

Всегда восторженную речь
И кудри черные до плеч.

VII

От хладного разврата света
Еще увянуть не успев,
Его душа была согрета
Приветом друга, лаской дев;
Он сердцем милый был невежда,
Его лелеяла надежда,
И мира новый блеск и шум
Еще пленяли юный ум.
Он забавлял мечтою сладкой
Сомненья сердца своего;
Цель жизни нашей для него
Была заманчивой загадкой,
Над ней он голову ломал
И чудеса подозревал.

VIII

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его принять оковы,
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами,
Когда-нибудь, нас оварит
И мир блаженством одарит.

za strana, la parola sempre esaltata, e riccioli neri fino alle spalle¹³.

VII

La sua anima, che la fredda depravazione del mondo ancora non aveva fatto sfiorire, era riscaldata dal sorriso degli amici e dalla carezza delle fanciulle; nel cuore era un caro inesperto, la speranza lo blandiva, e il rumore e lo scintillio nuovo del mondo affascinavano il suo giovane cuore; lo scopo della nostra vita era per lui un mistero affascinante, sul quale si rompeva la testa; e credeva nei prodigi.

VIII

Credeva che un'anima gemella¹⁴ si dovesse unire con lui, e soffrendo di languore lo aspettasse ogni giorno; credeva che gli amici fossero pronti, per il suo onore, a prendere le catene¹⁵, e che la loro mano non avrebbe esitato a spezzare gli strumenti dei calunniatori; credeva nell'esistenza di eletti dal destino¹⁶, amici sacri degli uomini, la cui immortale famiglia, con raggi irresistibili, un giorno ci avrebbe illuminati e avrebbe donato al mondo la beatitudine.

IX

Негодование, сожаленье,
 Ко благу чистая любовь,
 И славы сладкое мученье
 В нем рано волновали кровь.
 Он с лирой странствовал на свете;
 Под небом Шиллера и Гете,
 Их поэтическим огнем
 Душа воспламенилась в нем;
 И Муз возвышенных искусства,
 Счастливец, он не постыдил:
 Он в песнях гордо сохранил
 Всегда возвышенные чувства,
 Порывы девственной мечты
 И прелесть важной простоты.

X

Он пел любовь, любви послушный,
 И песнь его была ясна,
 Как мысли девы простодушной,
 Как сон младенца, как луна
 В пустынях неба безмятежных,
 Богиня тайн и вздохов нежных;
 Он пел разлуку и печаль,
 И нечто, и туманну даль,
 И романтические розы;
 Он пел те дальные страны,
 Где долго в лоно тишины
 Лились его живые слёзы;
 Он пел поблеклый жизни цвет,
 Без малого в осьмнадцать лет.

XI

В пустыне, где один Евгений
 Мог оценить его дары,

IX

L'indignazione, il compianto, il puro amore per il bene e il dolce tormento della gloria commossero presto il suo sangue. Egli con la lira aveva peregrinato per il mondo; sotto il cielo di Schiller e di Goethe¹⁷, la sua anima si era infiammata del loro poetico fuoco; fortunato, non offese l'arte delle muse eccelse; nei canti orgogliosamente racchiudeva sublimi sentimenti, gli slanci di un sogno verginale e l'incanto di una semplicità profonda.

X

Cantava l'amore, egli che all'amore obbediva, e il suo canto era chiaro come i pensieri di una vergine dal semplice cuore, come il sogno di un bambino, come la luna, dea dei misteri e dei teneri sospiri, nelle immensità deserte e serene del cielo; egli cantava l'abbandono e la tristezza, e «un non so che» e «la lontananza nebbiosa» e le romantiche rose; egli cantava quei paesi lontani dove per lungo tempo, nel seno della quiete, erano sgorgate le sue lacrime vive; egli cantava l'appassito fiore della vita, all'età di non ancora diciott'anni¹⁸.

XI

In quel deserto dove Eugenio soltanto poteva stimare il suo talento, egli non amava i festini dei signori dei villaggi

Господ соседственных селений
Ему не нравились пиры,
Бежал он их беседы шумной.
Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнем,
Ни острою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен.

XII

Богат, хорош собою, Ленской
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенской;
Все дочек прочили своих
За *полурусского соседа*;
Взойдет ли он, тотчас беседа
Заводит слово стороной
О скуке жизни холостой;
Зовут соседа к самовару,
А Дуня разливает чай,
Ей шепчут: „Дуня, примечай!“
Потом приносят и гитару:
И запищит она (бог мой!).
Приди в чертог ко мне влатой!..¹²

XIII

Но Ленский, не имев конечно
Охоты узы брака несть,
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покорооче свести.

vicini; rifuggiva dalla conversazione rumorosa. Il loro discorso da bempensanti sulla fienagione, sul vino, sul canile, sui parenti, non brillava certo per sensibilità, né per fuoco poetico, né per acutezza, né per intelligenza, né per arte della vita in società; la conversazione delle gentili signore era poi infinitamente meno intelligente.

XII

Ricco, bello, Lenskij era ovunque accolto come un fidanzato. Tale è l'abitudine in campagna: tutti destinavano le loro figlie al «vicino mezzorusso»; non appena entrava, il discorso cadeva subito sulla noia della vita da scapolo: lo invitavano al *samovar* e mormoravano a Dunja che versava il té: «Dunja, stagli attenta»; poi portavano anche la chitarra: e lei si metteva a miagolare (Dio mio!): «Vieni da me nel mio palazzo d'oro*¹⁹!...».

XIII

Ma Lenskij, che del resto non aveva nessuna voglia di stringere i nodi del matrimonio, desiderava di cuore e al più presto far conoscenza con Onegin. Si incontrarono.

* Dalla prima parte della *Rusalka del Nipro*.

Они сошлись. Волна и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом,
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От *делать нечего* друзья.

XIV

Но дружбы нет и той меж нами.
Все предрассудки истребя,
Мы почитаем всех нулями,
А единицами — себя.
Мы все глядим в Наполеоны;
Двуногих тварей миллионы
Для нас орудие одно,
Нам чувство дико и смешно.
Сноснее многих был Евгений;
Хоть он людей конечно знал,
И вообще их презирал, —
Но (правил нет без исключений)
Иных он очень отличал,
И вчуже чувство уважал.

XV

Он слушал Ленского с улыбкой.
Поэта пылкий разговор,
И ум еще в сужденьях вышкой,
И вечно вдохновенный взор, —
Онегину всё было ново:
Он охлаждающее слово

L'acqua e la pietra, i versi e la prosa, il ghiaccio e il fuoco non sono così diversi. Dapprima la diversità dette loro reciproca molestia: poi si piacquero; si misero a cavalcare insieme ogni giorno, e presto divennero inseparabili. Così gli uomini (per primo lo confesso io) per non aver nulla da fare diventano amici²⁰.

XIV

Ma neppure una tale amicizia esiste oggi fra di noi. Col distruggere tutti i pregiudizi, consideriamo gli altri degli zeri, e noi stessi invece ci riteniamo esseri unici. Tutti noi ci giudichiamo dei Napoleoni; milioni di creature bipedi sono per noi solo uno strumento; riteniamo il sentimento cosa barbara e ridicola²¹. Eugenio era più sopportabile di molti, sebbene conoscesse certo gli uomini e in generale li disprezzasse. Ma non vi è regola senza eccezione, ed egli ne distingueva molto alcuni e ne rispettava i sentimenti, pur non condividendoli.

XV

Ascoltava Lenskij col sorriso. L'ardente parola del poeta, e la mente, ancora nell'incertezza delle opinioni, e lo sguardo eternamente ispirato, erano una novità per Oegin, che cercava di trattenere tra le labbra la parola ag-

В устах старался удержать
И думал: глупо мне мешать
Его минутному блаженству;
И без меня пора придет;
Пускай покамест он живет
Да верит мира совершенству;
Простим горячке юных лет
И юный жар и юный бред.

XVI

Меж ими всё рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Всё подвергалось их суду.
Поэт в жару своих суждений
Читал, забывшись, между тем
Отрывки северных поэм,
И снисходительный Евгений,
Хоть их не много понимал,
Прилежно юноше внимал.

XVII

Но чаще занимали страсти
Умы пустынных моих.
Ушед от их мятежной власти,
Онегин говорил об них
С невольным вздохом сожаленья:
Блажен, кто ведал их волненья
И наконец от них отстал,
Блаженней тот, кто их не знал,

ghiacciante, e pensava: "È sciocco che io turbi la sua fugitiva beatitudine; verrà anche senza di me il tempo della delusione; che egli possa fin allora vivere e credere alla perfezione del mondo; perdoniamo all'ardore dei giovani anni e alla febbre giovanile e al giovanile delirio".

XVI

Ogni argomento²² suscitava tra loro discussioni e conduceva alla meditazione. I trattati²³ dei popoli antichi, i frutti della scienza²⁴, il bene e il male, e i pregiudizi secolari, e i misteri fatali della tomba, il destino e la vita di volta in volta, tutto era sottomesso al loro esame. Il poeta, nel calore dei suoi giudizi, leggeva, intanto, in tutto abbandono, brani di poemi nordici²⁵ ed Eugenio, indulgente, benché li capisse poco, li stava ad ascoltare con attenzione.

XVII

Ma più sovente erano le passioni²⁶ che interessavano la mente dei miei eremiti. Libero dalla forza turbolenta di esse, Onegin ne parlava con un sospiro involontario di rimpianto: beato chi ha conosciuto le loro agitazioni e finalmente se ne è staccato: ma più beato ancora chi non le

Кто охлаждал любовь — разлукой,
Вражду — злословием; порой
Зевал с друзьями и с женой,
Ревнивой не тревожась мукой,
И дедов верный капитал
Коварной двойке не вверял.

XVIII

Когда прибегнем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя,
И нам становятся смешны
Их своевольство, иль порывы
И запоздалые отзывы —
Смиранные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей,
Забывтый в хижине своей.

XIX

За то и пламенная младость
Не может ничего скрывать.
Вражду, любовь, печаль и радость
Она готова разболтать.
В любви считаясь инвалидом,
Онегин слушал с важным видом,
Как, сердца исповедь любя,
Поэт высказывал себя;
Свою доверчивую совесть
Он простодушно обнажал.

ha conosciute, chi ha soffocato l'amore con la lontananza, l'inimicizia con la maldicenza: di tanto in tanto sbadiglia con gli amici e la moglie, senza turbarsi per le pene della gelosia, senza avere affidato il sicuro capitale dei nonni al perfido due di carte.

XVIII

Quando ci rifugeremo sotto la bandiera della saggia e beata tranquillità, quando si sarà spenta la fiamma delle passioni e la loro natura capricciosa, gli slanci e i tardivi richiami diventeranno ridicoli, pacificati non senza fatica, ascolteremo talora con piacere la lingua turbolenta delle passioni altrui, che ci farà agitare il cuore. Così un vecchio veterano, dimenticato nella sua casupola, china volentieri la testa per ascoltare i racconti dei giovani baffuti.

XIX

Tuttavia la gioventù ardente non può nascondere nulla: è pronta a comunicare agli altri l'inimicizia, l'amore, la tristezza e la gioia. E Onegin, che si considerava un invalido dell'amore, ascoltava col volto serio il poeta, il quale, amante delle confessioni, si rivelava a lui, e metteva a nudo la sua coscienza fiduciosa con spirito semplice. Euge-

Евгений без труда узнал
Его любви младую повесть,
Обильный чувствами рассказ,
Давно не новыми для нас.

XX

Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль.
Ни охлаждающая даль,
Ни долгие лета разлуки,
Ни музам данные часы,
Ни чужеземные красы,
Ни шум веселий, ни Науки
Души не изменили в нем,
Согретой девственным огнем.

XXI

Чуть отрок, Ольгою плененный,
Сердечных мук еще не зная,
Он был свидетель умиленный
Ее младенческих забав;
В тени хранительной дубравы
Он разделял ее забавы,
И детям прочили венцы
Друзья соседы, их отцы.
В глуши, под сению смиренной,
Невинной прелести полна,
В глазах родителей, она
Цвела как ландыш потаенный,

nio, senza fatica, venne così a conoscere il romanzo giovanile del suo amore, un racconto ricco di sentimenti ormai così vecchi per noi.

XX

Vladimiro amava²⁷ come nei nostri anni più non si ama; come solo l'anima pazza del poeta è ancora destinata ad amare: sempre, ovunque, un solo sogno, un solo consueto desiderio, una sola consueta tristezza. Né la lontananza che agghiaccia, né i lunghi anni del distacco, né le ore dedicate alle muse, né le bellezze straniere, né il rumore delle allegrie, né le Scienze avevano in lui alterato l'anima, riscaldata da un verginale fuoco.

XXI

Appena adolescente, incantato da Olga²⁸, senza conoscere ancora i tormenti del cuore, egli fu testimone tenero dei trastulli infantili di lei. All'ombra di un querceto protettore, egli aveva condiviso i giochi di Olga; e i genitori di entrambi, amici e vicini, avevano già assicurato le coroncine nuziali ai due fanciulli. Nella solitudine, sotto la placida ombra, colma di ingenuo fascino, davanti agli occhi dei genitori, ella fioriva come un mughetto nascosto²⁹,

Незнаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.

XXII

Она поэту подарила
Младых восторгов первый сон,
И мысль об ней одушевила
Его девницы первый стон.
Простите, игры золотые!
Он рощи полюбил густые,
Уединенье, тишину,
И Ночь, и Звезды, и Луну,
Луну, небесную лампаду,
Которой посвящали мы
Прогулки средь вечерней тьмы,
И слёзы, тайных мук отраду...
Но нынче видим только в ней
Замену тусклых фонарей.

XXIII

Всегда скромна, всегда послушна,
Всегда как утро весела,
Как жизнь поэта простодушна,
Как поцалуй любви мила,
Глаза как небо голубые,
Улыбка, локоны льняные,
Движенья, голос, легкой стан,
Всё в Ольге... но любой роман
Возьмите и найдете верно
Ее портрет: он очень мил,
Я прежде сам его любил,
Но надоел он мне безмерно.
Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.

celato tra la folta erba, ignoto all'ape e alle farfalle.

XXII

Olga aveva dato al poeta il primo sogno degli impeti giovanili, e il pensiero di lei aveva ispirato al giovanetto il primo lamento della zampogna. Addio, giochi dorati! Egli s'innamorò delle folte selvette, della solitudine, della pace; amò la Notte e le Stelle; e la Luna, la Luna, lampada celeste, alla quale noi abbiamo consacrato le passeggiate nella tenebra della sera e le lacrime, consolazione di pene segrete; ma ora in lei vediamo solo, purtroppo, un sostituto di opachi fanali.

XXIII

Sempre modesta, sempre docile, sempre gaia come il mattino, semplice di cuore come la vita del poeta, dolce come un bacio d'amore, gli occhi azzurri come il cielo, il sorriso, i riccioli come il fiore del lino, la voce, i gesti, il corpo snello; tutto in Olga...³⁰ Ma prendete un romanzo qualsiasi, e vi troverete il suo ritratto fedele: esso è molto gentile; io stesso prima l'ho amato, ma oramai mi ha stancato troppo.

Ed ora, mio lettore, concedimi di occuparmi della sorella maggiore.

XXIV

Ее сестра звалась Татьяна...¹³
 Впервые именем таким
 Страницы нежные романа
 Мы своевольно освятим.
 И что ж? оно приятно, звучно;
 Но с ним, я знаю, неразлучно
 Воспоминанье старины
 Иль девичьей! мы все должны
 Признаться: вкусу очень мало
 У нас и в наших именах
 (Не говорим уж о стихах);
 Нам просвещение не пристало,
 И нам досталось от него
 Жеманство, — больше ничего.

XXV

Итак она звалась Татьяной.
 Ни красотой сестры своей,
 Ни свежестью ее румяной
 Не привлекла б она очей.
 Дика, печальна, молчалива,
 Как лань лесная боязлива,
 Она в семье своей родной
 Казалась девочкой чужой.
 Она ласкаться не умела
 К отцу, ни к матери своей;
 Дитя сама, в толпе детей
 Играть и прыгать не хотела,
 И часто целый день одна
 Сидела молча у окна.

XXVI

Задумчивость, ее подруга
 От самых колыбельных дней,

XXIV

La sorella si chiamava Tatiana*... Noi, per primi, liberamente, consacreremo con un tal nome le tenere pagine di un romanzo. E che? Esso è piacevole e di bel suono; certo, lo so, è legato al ricordo dei tempi antichi e delle serve! Dobbiamo sempre riconoscerlo: usiamo molto poco i nostri nomi (per non parlare dei versi); non abbiamo raggiunto la cultura, e ne abbiamo preso solo l'affettazione: niente più.

XXV

Così, si chiamava Tatiana. Non attirava lo sguardo né per la bellezza, come la sorella, né per la freschezza dell'incarnato. Selvatica, triste, silenziosa, come una daina timida di bosco, nella sua famiglia sembrava un'estranea. Non sapeva blandire né il padre né la madre; ancor bimba, in mezzo ai fanciulli, non voleva giocare né saltare, e, sovente, per l'intero giorno sedeva sola e tacita presso la finestra.

XXVI

L'immaginazione malinconica, sua amica sin dai giorni della culla, le aveva rallegrato coi sogni lo scorrere

* I nomi greci dal dolce suono vengono da noi usati solo fra la gente semplice: Agafon, Filat, Fedora, Fjokla, eccetera.

Теченье сельского досуга
Мечтами украшала ей.
Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склонясь на пяльцы,
Узором шелковым она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приготавливается, шутя,
К приличию — закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маминьки своей.

XXVII

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела.
И были детские проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимою в темноте ночей
Пленяли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.

XXVIII

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,

dell'ozio campestre. Le sue dita delicate non conoscevano gli aghi; mai, china sul telaio, ella aveva ravvivato la tela con il ricamo di seta. Le bambine (è segno del desiderio di dominare) si preparano alle buone maniere e alla legge della società, giocando con la bambola obbediente, alla quale, con sussiego, ripetono le lezioni imparate dalla mamma.

XXVII

Ma neppure in quegli anni Tatiana prese in braccio la bambola, né le parlava delle notizie della città, della moda. E i giochi infantili le erano estranei: avvincevano di più il suo cuore i racconti spaventosi nel buio delle notti d'inverno. Quando la *njanja*³¹ radunava nel vasto prato tutte le piccole amiche di Olga, essa non giocava più a rincorrersi; le erano noiosi il riso sonoro e il chiasso della loro gioia sventata.

XXVIII

Preferiva attendere al balcone il sorgere dell'alba, quando al pallido orizzonte svanisce il girotondo delle stelle e pla-

И тихо край земли светлеет,
И вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена
Вставала при свечах она.

XXIX

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли всё;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отец ее был добрый малой,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой,
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума.

XXX

Она любила Ричардсона,
Не потому, чтобы прочла,
Не потому, чтоб Грандисона
Она Ловласу предпочла;¹⁴
Но встарину княжна Алина,
Ее московская кузина,

cido s'illumina l'orizzonte, soffia il vento, messaggero del mattino, e il giorno avanza a poco a poco. D'inverno, quando l'ombra notturna più a lungo domina mezzo mondo, e più a lungo nella calma l'oriente pigro riposa sotto la luna avvolta da brume, all'ora solita, si svegliava e si alzava, a lume di candela.

XXIX

Presto le piacquero i romanzi: rappresentavano tutto per lei; si innamorò degli inganni di Richardson e di Rousseau³². Suo padre³³ era un brav'uomo, arretrato di un secolo, ma non vedeva nessun male nei libri: egli, che non leggeva mai, li considerava un vuoto giochetto, e non si preoccupava del fatto che un certo volume misterioso sonnecchiasse fino al mattino sotto il cuscino della figlia. Anche sua moglie, del resto, andava pazza per Richardson.

XXX

Ella amava Richardson, non perché l'avesse letto, non perché preferisse Grandison a Lovelace³⁴; ma perché, molto tempo prima, la principessa Alina, sua cugina mo-

* Grandison e Lovelace, eroi di due famosi romanzi.

Твердила часто ей об них.
В то время был еще жених
Ее супруг, но по неволе;
Она вздыхала по другом,
Который сердцем и умом
Ей нравился гораздо боле:
Сей Грандисон был славный франт,
Игрок и гвардии сержант.

XXXI

Как он, она была одета
Всегда по моде и к лицу; —
Но не спросясь ее совета,
Девицу повезли к венцу.
И чтоб ее рассеять горе,
Разумный муж уехал вскоре
В свою деревню, где она,
Бог знает кем окружена,
Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла, и довольна стала.
Привычка свыше нам дана:
Замена счастью она.¹⁵

XXXII

Привычка усладила горе
Неотразимое ничем;
Открытие большое вскоре
Ее утешило совсем:
Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом
Самодержавно управлять,
И всё тогда пошло на стать.

scovita, gliene aveva parlato sovente. Allora era ancora fidanzata col marito, ma contro la sua volontà: sospirava difatti per un altro, che le piaceva molto di più: e questo Grandison era un noto elegantone, giocatore e sergente della guardia.

XXXI

Come lui, anch'ella portava vestiti sempre alla moda, che le donavano; però, senza chiedere il suo parere, l'avevano condotta al matrimonio. E per dissipare la sua amarezza il saggio marito era partito presto per la sua campagna, dove la ragazza, Dio sa da chi circondata, in principio urlò e pianse, e per poco non si separò dallo sposo: poi cominciò a occuparsi della casa, divenne abitudinaria e soddisfatta. A noi dal cielo è data l'abitudine: essa sostituisce la felicità*.

XXXII

L'abitudine addolci l'amarezza, che non traspariva da nulla; una grande scoperta presto la confortò del tutto: tra le faccende e l'ozio ella scopri il segreto di governare a sua volontà il marito. Tutto allora si sistemò: controllava

* «Si j'avais la folie de croire encore au bonheur, je le chercherais dans l'habitude» (Chateaubriand).

Она езжала по работам,
Солила на зиму грибы,
Вела расходы, брила лбы,
Ходила в баню по суботам,
Служанок била осердясь;
Всё это мужа не спросясь.

XXXIII

Бывало, писывала кровью
Она в альбомы нежных дев,
Звала Полиною Прасковью,
И говорила нараспев,
Корсет носила очень узкий,
И русской *Н* как *N* французский
Произносить умела в нос;
Но скоро всё перевелось:
Корсет, Альбом, княжну Алину,
Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину,
И обновила наконец
На вате шафор и чепец.

XXXIV

Но муж любил ее сердечно,
В ее затеи не входил,
Во всем ей веровал беспечно,
А сам в халате ел и пил;
Покойно жизнь его катилась;
Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья,
И потужить и позлословить
И посмеяться кой о чем.

i lavori, salava i funghi per l'inverno, amministrava le spese, tosava le reclute³⁵, faceva il bagno tutti i sabati, picchiava le serve quando si arrabbiava, senza chieder mai nulla al marito.

XXXIII

Prima, aveva scritto col sangue negli album delle tenere fanciulle. Praskov'ja, la chiamava Pauline³⁶; parlava con cantilena, portava un corsetto molto attillato, sapeva pronunciare nel naso la «n» russa come la «n» francese³⁷; ma poi tutto mutò; dimenticò tutto: il corsetto, l'album, la principessa Alina, il quaderno di versi sentimentali; incominciò a chiamare Céline col vecchio nome di Akulka, e introdusse l'uso della vestaglia ovattata e della cuffia.

XXXIV

Il marito l'amava di tutto cuore. Non si occupava dei suoi capricci, le credeva sempre, senza darsene pensiero; egli stesso mangiava e beveva in veste da camera; la sua vita procedeva tranquilla; verso sera talvolta si riuniva una buona compagnia di vicini, amici senza tante cerimonie, e si mettevano a dir male e a deridere questo o quello. Dico-

Проходит время; между тем
Прикажут Ольге чай готовить,
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.

XXXV

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день троицы, когда народ
Зевая слушает молебен,
Умильно на пучок вари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.

XXXVI

И так они старели оба.
И отворились наконец
Перед супругом двери гроба,
И новый он приял венец.
Он умер в час перед обедом,
Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердечней чем иной.
Он был простой и добрый барин,
И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,

no ad Olga di preparare il té; viene l'ora di cena; poi il tempo di dormire, e gli ospiti se ne vanno.

XXXV

Essi mantenevano nella vita tranquilla i costumi del buon tempo andato; a carnevale usavano mangiare le frittelle russe; due volte all'anno facevano il digiuno³⁸, amavano le giostre, i canti «del piattino³⁹» e i girotondi; nel giorno della Trinità, quando il popolo sbadigliando ascolta le preghiere, essi lasciavano cadere tre tenere lacrimette sul fascio di erba⁴⁰ *zarja*⁴¹; il *kvas*⁴² era loro necessario come l'aria; e a tavola servivano i piatti secondo i gradi degli ospiti.

XXXVI

Così entrambi invecchiarono. Finalmente si aprirono davanti al marito le porte del sepolcro, ed egli prese una nuova coroncina⁴³. Morì un'ora prima del pranzo, pianto dal suo vicino, dai figli e dalla moglie fedele, dal cuore più puro di qualsiasi altra. Egli era stato un semplice e buon signore, e là dove giace la sua cenere dice un'iscrizione sepolcrale: «*L'umile peccatore Dmitrij Larin*⁴⁴, servo del Si-

Господний раб и б. адир
Под камнем сим б. шает мир.

XXXVII

Своим пенатам возвращенный,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный,
И вздох он пеплу посвятил;
И долго сердцу грустно было.
„*Poor Yorick!*“¹⁶ молвил он уныло,
Он на руках меня держал.
Как часто в детстве я играл
Его Очаковской медалью!
Он Ольгу прочил за меня,
Он говорил: дождусь ли дня?..“
И полный искренней печалью,
Владимир тут же начертал
Ему надгробный мадригал.

XXXVIII

И там же надписью печальной
Отца и матери, в слезах,
Почтил он прах патриархальный...
Увы! на жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!

*gnore e brigadiere*⁴⁵, sotto questa pietra gioisce della pace eterna».

XXXVII

Tornato ai suoi penati, Vladimiro Lenskij visitò l'umile tomba del vicino, e consacrò alla cenere un sospiro; e a lungo il suo cuore fu triste. «*Poor Yorick*»⁴⁶, mormorò tristemente, «egli mi ha tenuto in braccio. Come spesso nell'infanzia io giocavo con la sua medaglia dell'ordine di Očakov»⁴⁷! Egli mi promise Olga dicendo: «Arriverò a quel giorno?...»». E colmo di una sincera tenerezza Vladimiro scrisse appunto allora un madrigale funebre per lui.

XXXVIII

E proprio là, con un triste epitaffio, in pianto, egli onorò la cenere patriarcale del padre e della madre... Ahimè! nelle briglie della vita le generazioni sono come la messe di un momento: esse per volontà misteriosa della Provvidenza sorgono, maturano e cadono⁴⁸; altre seguono... Così la nostra stirpe sventata cresce, si agita, tutta in fermento, e spinge alla tomba gli avi. Verrà, verrà anche il nostro tempo, e i nostri nipoti, nell'ora assegnata, caccerranno dal mondo anche noi!

* «Povero Yorick!», esclamazione di Amleto davanti al teschio del buffone (vedi Shakespeare e Sterne).

XXXIX

Покаместь упивайтесь ею,
 Сей легкой жизнью, друзья!
 Ее ничтожность разумею,
 И мало к ней привязан я;
 Для призраков закрыл я вежды;
 Но отдаленные надежды
 Тревожат сердце иногда:
 Без неприметного следа
 Мне было б грустно мир оставить.
 Живу, пишу не для похвал;
 Но я бы кажется желал
 Печальный жребий свой прославить,
 Чтоб обо мне, как верный друг,
 Напомнил хоть единый звук.

XL

И чье-нибудь он сердце тронет;
 И сохраненная судьбой,
 Быть может в Лете не потонет
 Строфа слогаемая мной;
 Быть может (лестная надежда!)
 Укажет будущий невежда
 На мой прославленный портрет,
 И молвит: то-то был Поэт!
 Прими ж мои благодаренья,
 Поклонник мирных Аонид,
 О ты, чья память сохранит
 Мои летучие творенья;
 Чья благосклонная рука
 Потреплет лавры старика!

XXXIX

E intanto inebriatevi di essa, di questa lieve vita, o amici!
 Io comprendo la sua nullità, e poco le sono legato; ho
 chiuso per sempre le palpebre ai fantasmi; ma remote spe-
 ranze turbano il cuore, talora: mi sarebbe amaro lasciar la
 vita senza un'orma appena percettibile. Vivo, scrivo, non
 per la gloria; ma forse, vorrei glorificare il mio triste desti-
 no, perché, come un buon amico, mi ricordasse almeno
 un'unica voce.

XL

E questa voce toccherà il cuore di qualcuno: serbata dal
 destino, la strofa, sillabata da me, forse non annegherà
 nel Lete; forse (speranza adulatrice) un futuro ignoranto-
 ne sentenzierà sul mio glorioso ritratto, dicendo: «Costui
 fu un poeta». Ricevi la mia gratitudine, adoratore delle
 pacifiche Aonidi, tu, il cui ricordo conserverà le mie alate
 creature, la cui mano benefica sfiorerà gli allori di un vec-
 chio⁴⁹.

Чтоб на волшебные напевы
Переложил ты страстной девы
Иноплеменные слова.
Где ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном...
Но посреди печальных скал,
Отвыкнув сердцем от похвал,
Один, под финским небосклоном,
Он бродит, и душа его
Не слышит горя моего.

XXXI

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор
И увлекательный, и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный,
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц:

Письмо Татьяны к Онегину.

Я к вам пишу — чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.

die incantate, le parole straniere di una fanciulla appassionata. Dove sei? Vieni: con un inchino ti cederò i miei diritti... Ma fra le tristi rocce, con il cuore non più abituato alle lodi, solitario sotto il cielo di Finlandia, egli erra e la sua anima non sente la mia amarezza³⁸.

XXXI

La lettera di Tatiana³⁹ è davanti a me, io la custodisco religiosamente, la leggo con segreta nostalgia, e non posso saziarmene. Chi le ha ispirato questa tenerezza e la gentile trascuratezza? Chi le ha ispirato queste carezzevoli assurdità, il discorso folle e avvincente e dolorante del cuore? Non posso capirlo. Ma eccone una traduzione incompleta, debole, come la copia pallida di un quadro vivo, o la musica del Freischütz⁴⁰ suonata dalle dita di timide allieve:

LETTERA DI TATIANA A ONEGIN

Vi scrivo - che altro più? Che cosa posso dire ancora? Lo so, ora sta alla vostra volontà punirmi col disprezzo. Ma voi, se troverete almeno una briciola di pietà per il mio triste destino, non mi abbandonerete. Dapprima avrei volu-

Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
10 Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Всё думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.
Но говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне всё вам скучно,
20 А мы... ничем мы не блещим,
Хоть вам и рады простодушно.

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья,
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
30 И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...
Ты в сновиденьях мне являлся,
40 Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!

to tacere; credetemi, non avreste mai conosciuto la mia vergogna, se io avessi avuto la speranza di vedervi nel nostro villaggio, pur raramente, pure una sola volta alla settimana; di udire soltanto la vostra conversazione, di dirvi una parola almeno, e poi pensare, pensare sempre ad una cosa soltanto, giorno e notte, fino al nuovo incontro. Dicono che voi siete un misantropo; tutto vi annoia in questo paese sperduto, e noi... noi non siamo certo brillanti, ma con semplice cuore siamo felici di voi.

Perché siete venuto a trovarci? In questo villaggio sperduto e dimenticato, io non vi avrei mai conosciuto, non avrei mai conosciuto l'amaro tormento. Avrei placato col tempo i turbamenti di un'anima inesperta (chissà!), avrei trovato un compagno per il cuore, sarei divenuta una moglie fedele e una madre virtuosa.

Un altro!... No, a nessuno al mondo avrei dato il mio cuore! È stato decretato nell'alto consiglio divino... È volontà del cielo: io sono tua; tutta la mia vita è stata un pegno del fedele incontro con te; so che tu mi sei stato mandato da Dio, fino alla tomba tu sarai il mio angelo custode. Tu mi sei apparso nei sogni; prima ancora di vederti, tu mi eri caro; il tuo sguardo meraviglioso mi faceva languire; nell'anima mia, da tempo risuonava la tua voce... No, non è stato un sogno, questo! Appena tu sei entrato,

Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!
Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала,
50 Или молитвой услаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновение
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искуситель?
60 Мои сомненья разреши.
Быть может, это всё пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
70 Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи,
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечесть...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

ti riconobbi subito, rimasi come stupita, avvampai, e dissi nel mio pensiero: eccolo! Non è vero, forse? Io ti ascolta-vo: non parlavi con me nel silenzio, quando io aiutavo un povero o alleviavo con una preghiera l'amarezza della mia anima turbata? E proprio in questo istante, cara visione, non sei tu apparso nella tenebra trasparente, non ti sei chinato al mio guanciale? Non mi hai tu mormorato parole di consolazione e d'amore? parole di speranza? Chiunque tu sia, mio angelo protettore o perfido tentatore, dissipa i miei dubbi. Forse, tutto questo è vano, è un inganno dell'anima inesperta! E il destino è del tutto diverso. Ma sia pure così! Ora ti affido la mia sorte, piango davanti a te, imploro che tu mi protegga... Pensa; io sono qui, sola, nessuno mi capisce, la mia mente si perde, io devo morire in silenzio. Ti aspetto; fa vivere la speranza del cuore con un solo sguardo, oppure distruggi questo sogno greve con il tuo rimprovero, ahimè, giusto!

Finisco! Ho il terrore a rileggere... Muoio di vergogna e di paura... Il vostro onore mi è di difesa, e coraggiosamente a esso mi affido...

Он пишет страстное посланье.
Хоть толку мало вообще
Он в письмах видел не вотще;
Но, зная, сердечное страданье
Уже пришло ему не в мочь.
Вот вам письмо его точь в точь.

Письмо
Онегина к Татьяне.

Предвижу всё: вас оскорбит
Печальной тайны объясненье.
Какое горькое презренье
Ваш гордый взгляд изобразит!
Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!

Случайно вас когда-то встреть,
10 В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.
Еще одно нас равлучило...
Несчастной жертвой Ленской пал...
Ото всего, что сердцу мило,
Тогда я сердце оторвал;
Чужой для всех, ничем не связан,
20 Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан...

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,
Внимать вам долго, понимать

un messaggio di passione, lo scrive con la debole mano. In genere non vedeva un gran senso nelle lettere, ma non riusciva a sopportare la sofferenza del cuore. Ed ecco la sua lettera, punto per punto.

LETTERA DI ONEGIN A TATIANA⁴⁰

Tutto prevedo: vi offenderà la rivelazione del triste segreto. E quale amaro disprezzo esprimerà il vostro sguardo altero? Che voglio? Perché vi apro la mia anima? Di quale cattivo divertimento sarò forse occasione!

Un giorno, per caso, vi ho incontrata, e scorgendo in voi come una favilla di tenerezza, non ho osato crederlo; e non ho voluto abbandonarmi a una cara abitudine, perdere l'odiosa libertà. E un'altra cosa ci divide... Lenskij cadde, vittima sventurata... Allora strappai l'anima da tutto ciò che essa amava; a tutti straniero, non più legato a nulla, pensavo: invece della felicità, libertà e pace. Dio mio! Come, come mi sono sbagliato, quanto sono stato punito!...

No, vedervi ad ogni istante, seguirvi ovunque, cogliere con gli occhi innamorati il sorriso delle labbra, il moto degli sguardi, ascoltarvi a lungo, capire con tutta l'anima la

Душой всё ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
30 Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!

И я лишен того: для вас
Тащусь повсюду на удачу;
Мне дорог день, мне дорог час:
А я в напрасной скуке трачу
Судьбой отсчитанные дни.
И так уж тягостны они.
Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
40 Что с вами днем увижусь я...

Боюсь: в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор
Затеи хитрости презренной—
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали, как ужасно
Томиться жаждою любви,
Пылать — и разумом всечасно
Смирять волнение в крови;
Желать обнять у вас колени,
50 И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Всё, всё, что выразить бы мог,
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас веселым взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Всё решено: я в вашей воле,
60 И предаюсь моей судьбе.

vostra perfezione; morire tra i tormenti davanti a voi, impallidire, spegnermi... Ecco la felicità!

Ed io non l'ho; per voi mi trascino dovunque, alla ventura; mi è caro il giorno, l'ora; ed in vana noia consumo i giorni che il destino ha segnato. Questi giorni che sono così pesanti. So già che il mio tempo è contato; ma perché la mia vita si prolunghi ancora, ogni mattino devo esser certo di rivedervi quello stesso giorno...

Temo che nella mia umile preghiera il vostro sguardo severo veda le ambagi di spregevoli furberie, e mi par di sentire la vostra rampogna irata. Se sapeste com'è tremendo languire di desiderio d'amore, bruciare e placare continuamente con la ragione il tumulto del sangue; desiderare abbracciarvi le ginocchia e, piangendo, ai vostri piedi, versare preghiere, confessioni, canti, tutto, tutto quello che potrei esprimere, e intanto difendere le parole e gli sguardi con simulata freddezza, conversare calmo, osservarvi con sguardo lieto!...

E sia; non ho più la forza di resistere a me stesso; è deciso tutto; sono in vostro potere, e mi lascio andare al mio destino.